

Всемирная история

Евгений СТАРШОВ

**РАВЕННА:
ЗАБЫТАЯ СТОЛИЦА ЭПОХИ
«ТЕМНЫХ ВЕКОВ»**

Всемирная история (Вече)

Евгений Старшов

**Равенна: забытая столица
эпохи «темных веков»**

«ВЕЧЕ»

2021

Старшов Е. В.

Равенна: забытая столица эпохи «темных веков» /

Е. В. Старшов — «ВЕЧЕ», 2021 — (Всемирная история (Вече))

ISBN 978-5-4484-8769-9

Равенна – город-уникум, истинная сокровищница искусства поздней Античности и Византии доиконоборческого периода. Многие города Италии могут «похвастать» историей более древней, нежели равеннская, – но кто из них, кроме Равенны, мог бы трижды претендовать на столичный статус? Рассказ о славном прошлом древнего города, его уникальной архитектуре и памятниках – в новой книге историка Е.В. Старшова.

ISBN 978-5-4484-8769-9

© Старшов Е. В., 2021

© ВЕЧЕ, 2021

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	8
Глава 2	18
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Евгений Старшов
Равенна: забытая столица
ЭПОХИ «ТЕМНЫХ ВЕКОВ»

*Посвящается моим родителям – Альбине Федоровне (1947—2017)
и Виктору Васильевичу (род. в 1945 г.) Старшовым,
которым, хотя бы на закате жизненного пути,
довелось увидеть божественные красоты Италии
и навсегда полюбить ее*

*Земную жизнь пройдя до половины,
я очутился в сумрачном лесу
(Данте Алигьери,
Ад, песнь I) —
...и написал эту книгу...*

(Автор)

© Старшов Е.В., 2021

© ООО «Издательство «Вече», 2021

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2022

Сайт издательства www.veche.ru

Предисловие

Всего час пути по железной дороге отделяет город Римини – столицу Итальянской Ривьеры, талантливо воспетую ее уроженцем Федерико Феллини в его фильмах, от тихой провинциальной Равенны, давно распростившейся со столичным статусом. Даже для Италии – страны, настолько богатой архитектурными памятниками, что там чуть ли не каждая деревушка может гордиться средневековым собором, Равенна – это уникам, истинная сокровищница искусства поздней Античности и Византии доиконоборческого периода. Сама Греция практически не сохранила образцов монументального ранневизантийского изобразительного искусства – а здесь мы можем любоваться целыми ансамблями мозаик! Почему так? Ответ прост: потому что Равенна вышла из подчинения еретичествующему василевсу Льву III и отстояла свои убеждения вооруженной рукой – и только за пределами иконоборческой Византии смогли сохраниться донныне древнейшие образцы христианского мозаичного искусства – в Италии, на Кипре и на Синае. Сложно назвать труд по истории Византии или ее искусства (да вплоть до школьных учебников истории Средних веков), в котором за последние два века не публиковались бы ставшие уже хрестоматийными мозаичные изображения Юстиниана и Феодоры в окружении придворных и духовенства. А мозаики эти – из равеннской церкви Св. Виталия (базилики Сан-Витале). Многие города Италии могут похвастать историей более древней, нежели равеннская, но какой из них, кроме Равенны, мог бы трижды претендовать на столичный статус? Ясно, что только Рим. Но был ведь момент, когда Рим утратил столичный имперский статус, и Западная Римская империя в итоге пала, имея своей столицей Равенну. Второй раз Равенна получает столичный статус в государстве, основанном варварами-остготами (VI век), затем становится столицей Византийского экзархата, пока не падает под напором лангобардов (VIII век); при этом равеннские церковные иерархи спорят с римскими папами за первенство в Церкви и используют в своих целях могущество византийских василевсов. Замечательные «следы» этих трех столичных эпох и составляют бесценное культурное наследие Равенны. Так что не Византией единой жива и интересна Равенна, это не только «христианские Помпеи». Это, несмотря на понесенные за века и тысячелетия невосполнимые утраты, довольно целостный комплекс столицы так называемых темных веков европейской истории. Хорошо писал английский историк Эдвард Хаттон в 1913 г. (пер. с англ. – Е.С.): «Равенна, которую мы видим сегодня, не похожа ни на один другой город в Италии...» В ней до сих пор мы видим город Гонория, Галлы Платидии, Теодориха, Велизария и Нарсеса, экзархата... Ибо время ее славы в «темные века» отображено здесь, как ни в одном другом городе Италии и даже всего мира. Она была великолепием той эпохи, одиноким великолепием. И потому, что в конце этой эпохи она была практически оставлена – всем прочим миром, и морем, являя место столь траурное, бесконечно спокойное и печальное, полное осеннего ветра и тихого шепота гробницы, самой почитаемой из всех – гробницы империи. Мы не найдем в Равенне ничего – ни здания, ни художественного шедевра, – принадлежащего классической Античности: все, чем Равенна была, что делала, чем владела в период [Римской] империи, – все погибло. Немногое мы найдем в ней, чем она владела в ее незаметной жизни в начале Средневековья и в начале Ренессанса – память о Данте и его прах, немного церквей, фресок, картин, дворцов – и ничего кроме. За всем этим мы должны ехать в Помпеи и Рим или во Флоренцию, Сиену, Ассизи и Венецию; в Равенне же мы найдем не все это, но нечто более редкое. Она остается городом «темных веков» – V, VI, VII и VIII, и она полна церквей, гробниц и искусства того времени, раннехристианских и византийских шедевров, которых более мы не найдем нигде, по крайней мере в таком изобилии, совершенстве и красоте». Вот в такое «живое путешествие» в “темные века” автор теперь приглашает русскоязычного читателя – практически впервые: историография Равенны на итальянском языке обильна, на английском – довольно скудна, на что

сетуют сами английские исследователи; положение русского «равенноведения» тоже довольно печально. Хотя в научно-исследовательской литературе, еще начиная с XIX века, рассматривались (и порой очень детально, напр. Е.К. Рединым) отдельные вопросы, посвященные памятникам искусства Равенны, а ее история периода Готско-византийской войны и экзархата также частично изложена в работах З.В. Удальцовой («Италия и Византия в VI веке». М., 1959) и О.Р. Бородина («Византийская Италия в VI—VIII веках. Равеннский экзархат и Пентаполь». Барнаул, 1991); «Равеннский экзархат. Византийцы в Италии». СПб., 2001), на сегодняшний день данная книга – первая попытка изложить античную и средневековую историю Равенны вкупе с ее художественным наследием на русском языке (не считая богато иллюстрированных, но малоинформативных итальянских изданий для туристов). Хочется надеяться, что она удалась, и книга окажется полезной всем, интересующимся Античностью, Византией, военной историей, искусством. Автор будет рад, если читатель откроет для себя что-то новое, интересное, порой неожиданное (при этом автор, хоть и является идейным и убежденным противником антиисторических спекуляций, гордо именуемых сенсациями, а la Фоменко и К°, однако полагает, для многих окажется сюрпризом, что окончивший свои дни в Равенне великий Данте (чей хрестоматийный «орлиный» чисто выбритый образ сопровождает нас с детства до могилы), оказывается, носил бороду, известная легендарная «папесса Иоанна» – на самом деле знатная развратная византийка Марозия из Равенны, возводившая своих любовников на папский престол, а венецианским правителем Равенны одно время был небезызвестный Христофоро Моро (т.е. «Мавр»), благодаря своему «разводу по-итальянски» на венецианском Кипре ставший прообразом шекспировского Отелло). При этом автор выражает искреннюю благодарность своему давнему другу, Николаю Валерьевичу Воловоденко, за чудотворно-оперативное снабжение необходимой литературой; без его помощи и эта, и другие мои книги никогда бы не были такими, какими являются.

Глава 1

Начало истории Равенны: от варварского городка на болоте до римской твердыни

История будущей столицы империи римлян, королевства готов и экзархата византийцев начиналась довольно прозаично – с городишка на болоте, основание которого великий греко-римский географ и историк Страбон (ок. 63 г. до н.э. – ок. 23 г. н.э.) приписывает грекам-фессалийцам. Он так пишет в своей «Географии»: «Самый большой город на болотах (в Италии. – *Е.С.*) – это Равенна, построенная целиком на сваях и прорезанная каналами, так что проходить там можно только по мостам или на лодках. Во время приливов в город поступает немало морской воды, так что все нечистоты вымываются морем через каналы и город очищается от дурного воздуха. Во всяком случае, эта местность считается настолько здоровой, что правители приказали устроить здесь школу для воспитания и обучения гладиаторов. Одной из тамошних достопримечательностей является то, что воздух на болотах безвреден, как и в Александрии Египетской, где летом озеро теряет свои вредные свойства из-за разлива реки и высыхания болот. Но и свойства виноградной лозы вызывают удивление. Ведь лоза произрастает на болотах и от этого быстро и обильно плодоносит, но зато погибает за 4 или 5 лет... По преданию, Равенна основана фессалийцами. Но так как они не могли вынести притеснений тирренцев, то им пришлось добровольно принять некоторое количество омбриков, которые еще и теперь владеют городом; сами же фессалийцы вернулись на родину». О фессалийцах как основателях Равенны пишет и историк Зосим (ок. 460 – ок. 520 гг. н.э.): «Равенна – столица Фламинии, древний город – колония фессалийцев, прежде называлась Рене, от воды, которая омывала все вокруг нее. Олимпиодор Фиванский ложно утверждает, что название происходит от имени Рема, брата Ромула, который якобы был основателем города. Как я думаю, мы должны доверять Квадрату, который выяснял этот аспект истории города в своей «Истории императора Марка».

Итак, оставляя под вопросом реальность «исконного» (по Страбону и Зосиму) греческого населения Равенны (хотя присутствие минойцев и микенцев на Апеннингах несомненно), видим, что на рубеже эр, когда творил Страбон, город не представлял собой ничего совсем уж примечательного – разве что только он походил тогда на Венецию (ныне большая часть равеннских каналов – городские улицы), был римским форпостом для контроля пути на Аримин и далее на сам Рим, да вино, по древнему присловью, было там дешевле воды (из-за обильной, но недолговечной лозы, упомянутой Страбоном): это позднее осмеял в одной из своих сатир Марциал (ок. 40 – ок. 104 гг.): «Ловкий надул меня плут-трактирщик намеренно в Равенне: // Мне, не разбавив водой, чистого продал вина». Как могла выглядеть Равенна в далекие века ее основания, предшествовавшие относительной урбанизации III в. до н.э., показывают лишь реконструкции современных ученых, представляющих ее собранием больших деревянных домов на сваях посреди воды, по которой снуют утлые лодчонки ее первых обитателей. Кто же являлся этими обитателями варварского городка на болоте?

Касательно этнического состава равеннского населения Страбон, упомянув (см. выше) греков и омбриков (умбрийцев), свидетельствует, говоря об Аримине (Ариминуме, совр. Римини): «Последний является колонией омбров, так же как и Равенна, хотя оба города приняли римских колонистов». Исходя из определенной исторической и географической близости обоих городов (расстояние меж ними Страбон оценивает в 300 стадиев (чуть более 57 км), ныне оно исчисляется по прямой в 49 км), резонно предположить, что одними из древнейших обитателей этих земель (однако ж не автохтонными!) были этруски (в 1968 г. неподалеку от Римини был найден огромный этрусский некрополь с полутора сотнями захоронений, среди которых были найдены уникальные предметы искусства из золота, янтаря, бронзы и т.п., ору-

жие и деревянный резной трон этрусского правителя; в самой Равенне также были обнаружены некоторые предметы этрусской цивилизации – бронзовая скульптура и статуэтка воина с этрусской надписью конца VI в. до н.э., ныне хранящаяся в лейденском музее.

К этрускам мы вернемся чуть позже; однако вопрос, кого сменили эти пришельцы на итальянской земле, гораздо легче поставить, нежели дать на него ответ. Немецкий историк Вильгельм Вегнер в труде «Рим» справедливо пишет: «Ни одна страна Европы своим положением не манит так к иммиграции, как Италия. Ее протяженное туловище делит Средиземное море на западный и восточный бассейны и поэтому очень легко достижимо из всех прочих приморских стран; громадное протяжение ее берегов делает почти невозможным отражение народа, являющегося морем; а с севера иммиграция сушей также облегчается многочисленными удобными альпийскими проходами. Поэтому Италия, вероятно, задолго до исторического времени была целью народных передвижений. Древнейшим населением страны, о котором мы имеем сведения, были лигуры, которые прежде бродили в качестве рыбаков и охотников по покрытой лесом и многочисленными озерами и болотами стране от берегов названного по их имени Лигурийского моря на запад за самую Рону, может быть, до Пиренеев (баски им родственны), а на восток далеко вовнутрь равнины По, и лишь постепенно через распространение более сильных племен были ограничены береговой и горной полосой между Ниццей и Луной (Луни)».

Опираясь на более недавние по времени (сравнительно с Вегнером) труды, И.Л. Маяк в своей работе «Рим первых царей» указывает, что ученые отказали лигурам в индоевропейском происхождении и отождествили их с некоей средиземноморской расой восточноафриканского происхождения, что заставляет усомниться и в автохтонности лигуров: «Много было сделано учеными и в области исследования населения Италии каменного века. Наряду с изучением жилищ человека эпохи неолита, представленных пещерами и основаниями примитивных хижин, были изучены и скелеты их обитателей. Краниологические исследования выявили распространение по Апеннинскому полуострову и прилегающим островам, на территории современных Франции и Испании, а также Северной Африки неких долихоцефалов, которых итальянский антрополог Дж. Серджи назвал средиземноморской расой, имевшей родиной Восточную Африку. Сопоставляя этот феномен с сообщениями античной традиции, ученые сделали вывод об идентичности средиземноморцев с лигурами в указанных районах Европы... Позднее стали отходить от понимания языка лигуров как индоевропейского». Поэтому вряд ли прав С.И. Ковалев, предполагая в своей работе «Эллинизм. Рим» родство лигуров с галлами. Зато родственны лигурам были сикулы.

Далее очевидно проникновение в «будущую Италию» индоевропейских племен, прибывших из-за Альп («италиков», первая половина II тысячелетия до н.э.) и двигавшихся им «навстречу» с юга; так на Апеннинах появились племена италов, певкетов, моргетов, хонов, авзонов, умбров (населявших, по Страбону, Равенну) ... Прибыли минойцы и греки-ахейцы, свидетельством чего, кроме обильной античной литературной традиции, является множество археологических свидетельств (и дело явно не только в импорте). Ю.В. Андреев в своем капитальном труде «От Евразии к Европе. Крит и Эгейский мир в эпоху бронзы и раннего железа (III – начало I тысячелетия до н.э.)» указывает, что Геродот (ок. 484 – ок. 425 гг. до н.э.) и Фукидид (ок. 460 – ок. 400 гг. до н.э.) свидетельствуют о походах флота полубогатого критского царя Миноса на Сицилию и в Италию. Геродот действительно упоминает о войне Миноса на Сицилии, Фукидид же ограничивается утверждением, что «...Минос первым из властителей построил флот и приобрел господство над большей частью нынешнего Эллинского моря». Как отмечает И.Л. Маяк: «Уже в (19)50-е годы прозвучал отказ от бытовавшего в науке мнения о том, что предания об Эвандре и Геркулесе, т.е. о греках, пребывавших на месте возникающего Рима, обязаны своим появлением и распространением моде на греческую культуру, с которой Рим вплотную соприкоснулся в III—II вв. до н.э., и со стремлением греков связать прошлое могущественного Рима со своим прошлым. Паллотино не исключал,

что первая доколониальная иммиграция греков в Италию – возможно, исторический факт. Античные писатели характеризовали ее как аркадскую. Но в свете поздней микенской торговой экспансии точнее назвать ее ахейской. Особенно примечательны, по мнению Паллотино, некоторые связи между латинским языком и аркадо-эолийским диалектом микенской эпохи... Весьма интересны наблюдения П. Де Франчиши над аналогами древнеримского фетиша – щита анциле. Подобные двудольные щиты встречаются на хеттских изображениях Тешуба, на кносской печати, на микенском и пилосском украшениях, на микенском ритоне. Это привело Де Франчиши к мысли о средиземноморских корнях столь почитаемой в Риме реликвии, о давних связях Италии с эгейским культурным кругом. Изучение микенской торговой экспансии привело ученых к обследованию Италии и ближайших к ней островов. Большой материал собран в книге В. Тейлур «Микенская керамика в Италии и прилегающих районах», а также у Бьянкофьоре «Микенская цивилизация в Южной Италии». Находки микенской керамики доказали интенсивность контактов между греческим миром и Южной Италией, Сицилией, Липарскими островами и Искьей, причем основные находки, особенно в Сицилии, богаты и бронзой». Итальянский лингвист Э. Перуцци посвятил отдельную статью греко-микенским заимствованиям в латинском языке. Однако, разумеется, самыми известными «переселенцами» на Апеннины стали этруски.

Археология давно доказала, что они – не автохтоны Апеннин, но пришельцы, обосновавшиеся там к X в. до н.э. (или еще на 300 лет ранее). К известию Геродота о том, что этруски приблизительно во время Троянской войны (XIII—XII вв. до н.э. – как видим, археология здесь солидарна с Геродотом) прибыли в Италию из Лидии – страны на Малоазийском полуострове (ныне входит в состав Турции) – долгое время относились скептически, археология же свидетельствует о правдоподобности сведений галикарнасского автора. Геродот пишет так в своей «Истории», по-своему толкуя происхождение тирренского топонима (в Античности тиррены, по большей части, отождествлялись с этрусками): «Во всей Лидии наступил сильный голод [от недорода хлеба]. Сначала лидийцы терпеливо переносили нужду, а затем, когда голод начал все более и более усиливаться, они стали искать избавления, придумывая разные средства... Так лидийцы жили 18 лет. Между тем бедствие не стихало, а еще более усиливалось. Поэтому царь [Атис] разделил весь народ на две части и повелел бросить жребий: кому оставаться и кому покинуть родину. Сам царь присоединился к оставшимся на родине, а во главе переселенцев поставил своего сына по имени Тирсен. Те же, кому выпал жребий уезжать из своей страны, отправились к морю в Смирну. Там они построили корабли, погрузили на них всю необходимую утварь и отплыли на поиски пропитания и [новой] родины. Миновав много стран, переселенцы прибыли в землю омбриков и построили там город, где и живут до сей поры. Они переименовались, назвав себя по имени своего царя [Тирсена], который вывел их за море, тирсенами». Древние римляне держались той же точки зрения – к примеру, Тацит (ок. 50 – ок. 120 гг.), практически повторяющий Геродота, с тем лишь исключением, что пишет в «Анналах» о братьях Тиррене и Лиде (соответственно первый дал свое имя этрускам-тирренцам, второй – лидийцам, чем только подчеркивается родство этих народов). О том же упоминает Г.А. Стратановский в своих примечаниях к «Истории» Геродота: «Даже в эпоху Римской республики, когда язык этрусков еще существовал, малоазийское происхождение их считалось общепризнанным». Лингвистический анализ дает мало результатов – одни ученые говорят об абсолютном разрыве между языком этрусков (родственным ретскому и лемносскому, а то и хурритскому и урартскому) и лидийцев (язык последних относился к хетто-лувийской группе индоевропейских языков), другие считают, напротив, что язык этрусков – из той же хетто-лувийской группы. Так что попытка авторов работы «Этруски: италийское жизнелюбие» опровергнуть Геродота языкознанием выглядит довольно убого и малоубедительно. Иные свидетельства говорят о причерноморском или древнегреческом «следе» в этрусской цивилизации (С.И. Ковалев пишет: «Версия Гелланика Лесбосского сводится к тому, что предками этрусков

были пелазги (так в цитате, обычно пишут «пеласги». – *Е.С.*) (древнейшее население Греции), изгнанные эллинами и поселившиеся в Северной Италии». В. Вегнер, разбирая разные версии (о родстве этрусков с семитами, приплывшими из Азии, или с лигурами), выдвигает свою – об идентичности этрусков с «туршами», упоминаемыми в египетских источниках морских разбойниках (хотя считается, что здесь он ошибается и турши – какое-то малоазийское племя). В общем, прав итальянский искусствовед Джулио Карло Арган, когда пишет в своей «Истории итальянского искусства»: «Происхождение этрусского народа, жившего вначале вдоль побережья Тирренского моря и расселившегося затем в более глубинные районы, с точностью не установлено. Мы мало знаем о нем, несмотря на обилие документов и успехи в изучении языка, религии и обычаев этрусков».

К VII веку до н.э. этруски распространились от побережья Тирренского моря и достигли интересующей нас современной области Эмилия-Романья, где располагаются Римини и Равенна. Впрочем, власть этрусков там оказалась не особо продолжительной по историческим меркам. Уже почти в то же самое время те же причины – голод и перенаселение – заставляют новых варваров – галлов – впервые перейти через Альпы и вторгнуться в Италию. Тит Ливий (59 г. до н.э. – 17 г. н.э.) в своей «Истории Рима от основания города» датирует первое проникновение галлов через Альпы временем царя Тарквиния Древнего (616—579 гг. до н.э.) (почти за два века до первой Галло-римской войны), отмечая при этом, правда, что галлы еще не воевали с этрусками. Другое дело, что к 390 г. до н.э. галлы уже начали осаду союзного римлянам этрусского города Клузия, что привело к тому, что римляне вступились за союзников и в результате сначала чуть не лишились и своего государства, и даже столицы (Рим пал, – за исключением капитолийской крепости, которую, как гласит известная легенда, спасли своим гоготом гуси, почувавшие в ночи пытавшихся проникнуть в крепость галлов); как известно, римляне тогда дали за себя выкуп золотом, а затем уничтожили все галльское войско. Однако эта победа римлян не остановила галльской экспансии, и в итоге бывшие этрусские владения в современной Эмилии-Романье оказались разделенными между галлами, продвигавшимися с севера, и римлянами, идущими им навстречу. Границей Римской Италии с Галлией стала протекавшая у города Аримина река Рубикон. Соответственно Равенна оказалась под властью галлов (справочный аппарат к сочинению Аппиана Александрийского «Римская история», М., 1998) гласит: «Равенна – город бойев», известного галльского племени, обосновавшегося в Северной Италии; по Д. Маускопф-Дельяннис, на это указывает Птолемей).

Рассмотрим, пользуясь случаем, «административно-территориальное» деление Древней Галлии, чтоб о ней не было такого общего представления, как о «дремучей» Галлии Астерикса и Обеликса, воевавшей с Цезарем. Она представляла собой несколько совершенно разнородных частей, населенных различными племенами. Наиболее привычное деление Галлии – на Трансальпинскую и Цизальпинскую (то есть, в переводе, на ту, что находится «по ту сторону» Альп от Италии и, соответственно, «по эту»). Цизальпинская Галлия, в свою очередь, подразделялась на две части в зависимости от течения реки Падус (совр. По) – на Транспаданскую и Циспаданскую. Цизальпинская Галлия начала подвергаться римскому завоеванию к 223 г. до н.э., когда римляне стараниями Гая Фламиния (ок. 260—217 гг. до н.э.) основали в ней две колонии, служившие опорными пунктами, – Плаценцию (совр. Пьяченца) и Кремону, укрепив Мутину (Модену) и соединив новую область с Римом дорогой от Аримина, названной в его честь Фламиниевой; однако процесс остановил Ганнибал (247—183 гг. до н.э.), перевалив с войском через Альпы в 218 г. до н.э.; причем он весьма рассчитывал на помощь местных галлов и, в целом, не особо ошибся: сопротивление оказали только две вышеупомянутые Фламиниевы колонии (сам Гай Фламиний доблестно пал в бою при Тразименском озере). Пережив войну с Ганнибалом и оправившись от ее последствий, приблизительно к 183 г. до н.э. римляне овладели Цизальпинской Галлией; кроме того, под их власть попала часть Трансальпинской Галлии, примыкавшая к Средиземному морю (эта часть получила название Нарбоннской

Галлии, иначе – Провинции, откуда пошло наименование французской области Прованс). Эти земли настолько стремительно романизировались – не в последнюю очередь благодаря притоку колонистов из Римской Италии – что жители Цизальпанской Галлии получили право римского гражданства почти за век до н.э. Так что Цизальпанская Галлия – иначе, по словам самих же римлян, «Галлия, одетая в тогу», – ко времени Юлия Цезаря (100—44 гг. до н.э.) уже радикально отличалась от прочей – «косматой» – Галлии, и галло-римская граница по Рубикону давно стала условной; бывшая Цизальпанская Галлия окончательно присоединяется к Италии при Октавиане Августе (63 г. до н.э. – 19 г. н.э.), что весьма благоприятно сказывается на развитии Равенны, но об этом позже.

Итак, подводя своеобразный итог сказанному, в древнейшем пласте населения Равенны мы видим довольно четко выраженные или засвидетельствованные этрусские и умбрийские элементы; добавляем к ним, в меньшей степени, элементы греческий (в Равенне обнаружены древнегреческая керамика V—III вв. до н.э.) и галльский и, естественно, неопределенный автохтонный; так Равенна «встретила» пришествие римлян, говорить о едином этническом составе которых к III в. до н.э. по меньшей мере смешно.

Новые хозяева Цизальпанской Галлии быстро оценили стратегическое положение расположенной среди болот и каналов Равенны – по сравнению с Ариминном она была просто неприступна, по крайней мере с суши, могла содержать воинский контингент, благодаря чему контролировала проходящую неподалеку стратегически важную дорогу консула Марка Эмилия Лепида (ум. ок. 153 г. до н.э.). Он повелел создать эту дорогу в 187 г. до н.э.; она была проведена из Плаценции через Мутину до Аримина, где смыкалась с не менее знаменитой дорогой Фламиния. «Отросток» Эмилиевой дороги шел напрямую к Равенне, а позднее, в 132 г. до н.э., римляне выстроили дорогу Попилия, соединившую напрямую Аримин с Равенной и далее с Адрией на севере.

Время основания «римской» Равенны на месте древнего варварского поселения довольно долго дискутировалось, пока на помощь не пришла археология. Дебора Маускопф-Дельяннис в своей работе «*Ravenna in Late Antiquity*» («Равенна в поздней Античности») пишет следующее (пер. с англ. – Е.С.): «Стены Равенны периода поздней Античности выстроены по нерегулярному плану, но юго-западный угол включает три стороны прямоугольника. Ученые долго полагали, что эта прямоугольная часть воспроизводит линию стен оригинального римского города, поскольку прямоугольный план, подобный этому, с решетчатой схемой улиц, зависящих от двух главных дорог, пересекающихся в центре (об этом в нашей работе еще будет сказано в главе 3, при обсуждении темы ворот Клавдия. – Е.С.), был в широком употреблении при основании новых римских городов и колоний. До недавнего времени полагали, что город, обычно упоминаемый как «*oppidum*» (укрепленный город, укрепление. – Е.С.) или «*Ravenna quadrata*» (четырёхугольная/квадратная Равенна. – Е.С.), был основан в I в. до н.э. императором Августом. В 1980 г. археологические работы на месте сооружения Народного банка вдоль восточной части прямоугольника открыли остатки городской стены, оказавшейся намного старше, чем кто-либо думал, а также керамику, датируемую второй половиной III в. до н.э. Остатки укреплений были найдены на глубине 7,50—4,75 м по сравнению с современным уровнем и состояли из пролета стены 24 м длиной и 2,6 м высотой и прямоугольной башни с измерениями 3,80×6 м (общая площадь «первой» равеннской крепости республиканского периода составляла 33 гектара. – Е.С.). И стена, и башня были сооружены из прямоугольных кирпичей, по размерам близким к обнаруженным в Греции и Южной Италии, и, что необычно, каждый кирпич имел клеймо в виде одной или двух букв, возможно, обозначавших, какой из местных производителей делал каждый из кирпичей. Датировка этой стены позволяет считать Равенну древнейшим после Аримина римским укреплением к северу от Апеннин. Есть свидетельство, что нижние слои южной и западной стен прямоугольника датируются тем же временем, что и стена у Народного банка... Возможно, город был укреплен

в связи с завоеванием Ганнибалом Италии в 218 г. до н.э. (как последствие, надо полагать. — *E.C.*)». Подобные кирпичи были найдены в основании канализационной системы на деревянных сваях, т.о. доказывая ее существование в республиканский период. Большая часть строений того времени не дошла даже в руинах (отчасти это объясняется тем, что они строились из недолговечного материала вроде дерева или тростника, каменные же части были использованы повторно); возможно, на территории будущего дворца Теодориха стоял храм; единственное относительное исключение — руины дома II в. до н.э. (на современной улице д'Адзельо), в атриуме которого была найдена многоцветная мозаика, изображающая бой аргонавта Поллукса с Амиком, царем бебриков. Архитектор и инженер Витрувий (I в. до н.э.) пишет, рассуждая о строительстве города, что в целом «...необходимо избегать соседства болот. Потому что, когда при восходе солнца до города будет доходить утренний ветер вместе с поднимающимся туманом, а жители будут подвержены поветрию от отравленного дыхания болотных тварей, смешанного с туманом, это сделает местность зараженной». Но что делать, если болота защищают, а воздух там, на удивление, здоровый, как в случае Равенны? «Если город будет основан на болотистом месте, то при условии, что эти болота будут у моря, а город обращен на север или на северо-восток, болота же расположены выше морского берега, можно счесть, что город основан разумно. Ибо путем проведенных канав вода отводится на берег, а море, загоняемое бурями на болота, благодаря сильному прибою волн и своим морским примесям, не допускает разводиться там болотным тварям, а те из них, которые из вышележащих мест подплывают к самому берегу, уничтожаются непривычной для них соленостью. Примером этого могут служить болота Галлии в окрестностях Альтина, Равенны, Аквилеи и других городов, лежащих в подобных, примыкающих к болотам, местностях, так как они по указанным причинам невероятно здоровы. Наоборот, там, где болота стоячие и не имеют проточного выхода ни по рекам, ни по канавам, каковы болота Помптинские, они, застаиваясь, гнивают и испускают тяжелые и заразные испарения на всю округу». И у Витрувия есть ценное свидетельство о том, из какого дерева делали сваи в Равенне: «Ольха же, растущая по самым берегам рек и кажущаяся совершенно непригодным строительным лесом, обладает превосходными качествами. В самом деле, она состоит в наибольшей степени из воздуха и огня, в небольшой — из земного начала и в наименьшей — из влаги. Поэтому, будучи вбита частыми сваями под фундаментами зданий в болотистых местностях и вбирая в себя жидкость, которой немного в ее древесине, она никогда не гниет, поддерживает огромную тяжесть кладки и сохраняет ее без повреждений. Таким образом, не будучи в состоянии держаться над землей даже короткое время, она, погруженная во влагу, остается нетронутой на долгие годы. Это лучше всего видно в Равенне, потому что там под всеми фундаментами как общественных, так и частных строений имеются такого рода сваи».

Остается лишь еще добавить, что, судя по упоминанию (в 56 г. до н.э.) Цицероном (106—43 гг. до н.э.) в связи с событиями 90 г. до н.э. некоего равеннца Публия Цезия как «федерата», то есть союзника первого класса (*civitates foederatae*), есть смысл отнести к ним и всех его земляков; они имели автономию, административное самоуправление, право чеканки монеты, собственный суд, были независимы от римских наместников; только посылали деньги, войско и корабли (где-то после 49 г. до н.э. Равенна «доросла» до римского муниципия — то есть ее жители получили еще больше прав и, в большем или меньшем количестве, римское гражданство).

Однако впервые на скрижалях истории Равенна появляется только в 82 г. до н.э. в связи с именем сулланца Метелла, сделавшего ее базой своих военных операций в гражданской войне Суллы (138—78 гг. до н.э.) против Гая Мария (ок. 157—86 гг. до н.э.). Как пишет Аппиан Александрийский (ок. 95 — после 170 гг.), «Метелл, продвигаясь обходным маршем в окрестностях Равенны, занял территорию Урии, богатую пшеницей равнину». Естественно, особенно учитывая раскопки 1980 г., что уже к этому времени Равенна была важным стратегическим

опорным пунктом – иначе, чуть погодя, ее не избрал бы Юлий Цезарь для начала своего знаменитого «рывка» через ариминский Рубикон. Многие ведь помнят такие фразы, связанные с Цезарем, как «жребий брошен» и «перейти Рубикон». Именно это он сказал, когда повел войска на Рим, чтоб захватить власть. Дело в том, что Аримин стоит на реке Рубикон, которая, как мы помним, отделяла, собственно, Италию от Галлии. Древние римляне свято блюли заповедь предков, свергнувших царское иго и установивших республику, поэтому любое стремление захватить единоличную власть каралось смертью (поэтому Цезаря в итоге и закололи). Именно по этой причине существовал закон: ни один полководец не мог войти в пределы Италии со своим войском, но должен был оставлять его на границе. Если он ее (в данном случае – реку Рубикон) переходил с войском, это являлось актом неповиновения и каралось смертью. Вот и пошло с тех пор присловье: перейти Рубикон – значит, решиться на что-то важное, смертельно опасное, от чего нет возврата. Аппиан так повествует о пребывании Юлия в Равенне и связанных с этим событиях: «(Цезарь), переплыв океан, только что вернулся из Британии и из области рейнских галлов, перешел Альпы с 5 тысячами пехотинцев (Тринадцатого легиона. – *Е.С.*) и тремястами всадников; он спустился в пограничную с Италией Равенну, последний пункт, на который распространялась его власть. Радужно приняв Куриона (народного трибуна, своего тайного сторонника. – *Е.С.*) и выразив удовольствие по поводу всего сделанного им, Цезарь следил отсюда за разворачивающимися событиями. Курион полагал, что нужно собрать все войско и идти на Рим, Цезарь же считал необходимым сделать попытку к примирению. Он приказал своим сторонникам договариваться за него и заявлял, что откажется от других провинций и войск, кроме двух легионов в Иллирии вместе с Цизальпинской Галлией, пока не будет назначен консулом. Помпей, казалось, был удовлетворен этим. Но когда консулы стали противодействовать желанию Цезаря, последний написал письмо сенату, а Курион проехал в три дня 2300 стадиев, передал письмо новым консулам, которые должны были вступить в сенат в первый день Нового года. Жалоба Цезаря содержала торжественный перечень всего того, что он совершил с самого начала, а также его заявление, что он хотел бы отказаться от власти вместе с Помпеем; но так как тот еще остается у власти, то и он не сложит с себя полномочий и скоро явится мстителем за отечество и за себя самого. Все громко закричали, принимая это за объявление войны, и назначили преемником Цезаря Луция Домиция. Последний тотчас выступил с тремя тысячами человек, вновь набранных. Антоний и Кассий, бывшие народными трибунами после Куриона, одобрили его. Сенат же, еще больше склонный к вражде, полагал, что войско Помпея, противопоставленное войску Цезаря, является его стражем, а войско Цезаря, напротив, враждебно ему. Консулы Марцелл и Лентул приказали сторонникам Антония удалиться из сената, чтобы они не подверглись каким-нибудь оскорблениям, хотя они и были народными трибунами, тогда Антоний с громким криком, в гневе вскочил со своего кресла и стал призывать на сенаторов богов по поводу насилия над священной и неприкосновенной личностью трибунов. И не совершив ни убийства, ни каких-либо других гнусностей, они изгоняются только за то, что внесли предложение, которое, по их мнению, будет полезным. Сказав это, Антоний выбежал, словно одержимый богом, предвещая предстоящие смуты, войны, убийства, проскрипции, изгнания, конфискации и тому подобное. В возбуждении он призывал тяжелые проклятия на головы виновников всего этого. Вместе с ним из сената выбежали Курион и Кассий, ибо оказалось, что один отряд, посланный Помпеем, уже окружает сенат. Они немедленно отправились к Цезарю – тайно, ночью, в наемной повозке, переодетые рабами. Он показал беглецов в таком виде солдатам и, возбуждая их, говорил, что их, совершивших такие подвиги, сенат считает врагами, а вот этих мужей, замолвивших за них слово, постыдно изгоняют. Итак, с обеих сторон война была начата и открыто объявлена. Сенат полагал, что войско из области галлов прибудет к Цезарю не так скоро и он не пойдет на предстоящее серьезное дело с малыми силами. Поэтому сенат предписал Помпею набрать 130 тысяч италийцев, главным образом из опытных в военном деле ветеранов, и чужеземцев

из наиболее храбрых соседних племен. На ведение войны постановили выдать Помпею государственные средства и, если понадобится, обратиться на военные нужды и свои частные средства. А в города с величайшим гневом, рвением и быстротой посылали за новыми средствами. Цезарь же прежде всего отправил за своими войсками. Он всегда предпочитал действовать страхом неожиданности и смелости, а не силой подготовки. Поэтому в столь великой тайне он решил прежде всего напасть с пятью тысячами человек и своевременно занять выгодное положение в Италии. Центурионов с небольшим отрядом наиболее храбрых солдат, одетых в гражданское платье, он выслал вперед, чтобы они вошли в Аримин и внезапно захватили город. Это первый город Италии на пути из Галлии. Сам Цезарь вечером под предлогом нездоровья удалился с пира, оставив друзей за ужином. Плутарх (ок. 46 – ок. 127 гг.) описывает этот день Цезаря в Равенне более детально: «Командование войском он поручил Гортензию, сам же провел целый день на виду у всех и даже присутствовал при упражнениях гладиаторов. К вечеру, приняв ванну, он направился в обеденный зал и здесь некоторое время оставался с гостями. Когда уже стемнело, он встал и вежливо предложил гостям ожидать здесь, пока он вернется. Немногим же доверенным друзьям он еще прежде сказал, чтобы они последовали за ним, но выходили не все сразу, а поодиночке (практически то же у Светония. – *Е.С.*). Сев в колесницу, он поехал в Аримин, в то время как всадники следовали за ним на некотором расстоянии. Быстро подъехав к реке Рубикон, которая служит границей Италии, Цезарь остановился, глядя на ее течение, и стал размышлять, взвешивая в уме каждое из тех бедствий, которые произойдут, если он с вооруженными силами перейдет эту реку. Наконец, решившись, Цезарь сказал присутствующим: “Если я воздержусь от этого перехода, друзья мои, это будет началом бедствий для меня, если же перейду – для всех людей”. Сказав это, он, как вдохновленный свыше, стремительно перешел реку, прибавив известное изречение: “Пусть жребий будет брошен”. Быстро подойдя к Аримину, Цезарь на заре захватил его и двинулся дальше».

Профессор Джузеппе Бовини пишет в книге «Равенна. Искусство и история»: «В двух документах конца XII века упоминается также порт Юлия Цезаря; тем не менее, отсутствие иных предшествующих свидетельств... призывает к величайшей осторожности, несмотря на все относящиеся к этому утверждения и предположения. Все же существует вероятность, что Цезарь, избравший Равенну своей штаб-квартирой во время переговоров с сенатом, велел, по военным соображениям, произвести здесь работы над портом».

Октавиан, племянник и преемник Гая Юлия Цезаря, по свидетельству того же Аппиана, в самом начале своего конфликта с Антонием (ок. 83—30 гг. до н.э.), в 44 г. до н.э. «... с новыми денежными суммами объезжал Равенну и всю прилегающую к ней область, вербовал в войска все новые и новые массы и всех посылал в Арреций». Делал он это, как указывает английский историк Эдвард Хаттон в своем труде «Ravenna», отлично осознавая важную роль Равенны как своеобразного «ключа» к узкому проходу, соединявшему собственно Италию с Цизальпинской Галлией, на обладание которой и выдвинул претензии Антоний. Последовавшее примирение соперников, как хорошо известно, оказалось не окончательным, и, разбив республиканцев, Антоний и Октавиан вновь сошлись в противоборстве; Равенна при этом служит опорным пунктом для сторонников Антония. Как пишет Аппиан, они, «имевшие войско далеко не малое – у них было до тринадцати обученных легионов и около шести тысяч пядисот всадников... отправились к морю в разные стороны: одни – в Брундизий, другие – в Равенну, третьи – в Тарент; из них некоторые стремились к Мурку и Агенобарбу, другие – к Антонию. За ними следовали друзья Цезаря (Октавиана. – *Е.С.*), предлагая им мир; но они не хотели отозваться на эти настойчивые предложения, в особенности пехотинцы...» Выбор портов (в частности, Равенны) Э. Хаттон объясняет так (пер. с англ. – *Е.С.*): «В последовавшей войне Равенна играла значительную роль. В 41 г. до н.э., например, в год начала войны, партия Антония нашла укрытие в Равенне не только из-за ее стратегической важности по отношению к Италии и Цизальпинской Галлии, но и потому, что в качестве порта она позволяла осуществ-

лять коммуникацию с Антонием в Египте, от которого ожидали помощи. Все это показывает все большую и большую важность Равенны, и мы можем быть уверены, что мудрый и проницательный Октавиан отметил ее». Этот раунд борьбы «наследников Цезаря» вновь завершился временным перемирием и общей борьбой с Секстом Помпеем. Аппиан особо подчеркивает наносимый Помпеем-младшим вред своим врагам посредством сильного флота: «Голод в это время терзал Рим: по морю ничего не привозилось, так как море было во власти Секста Помпея, сына великого Гнея Помпея, а в самой Италии из-за междоусобных войн обработка земли почти прекратилась, если же что и произрастало, то шло для войска. В Риме по ночам целые толпы занимались грабежом, еще более осложняя положение города... Морская добыча сделала Секста Помпея богатым; он имел и большой флот (порядка 300 кораблей, по данным Ч. Старра. – *Е.С.*) и полный людской состав».

У Аппиана же читаем, как эти обстоятельства коснулись Равенны: «Цезарь вызвал Антония из Афин в Брундизий в обусловленный день для совещания относительно предстоящих военных действий. Цезарь спешно выслал в Брундизий и Дикеархию военные корабли из Равенны, войска из Галлии и прочее военное снаряжение, чтобы с двух сторон напасть на Сицилию в случае согласия на это Антония... Берега Италии он усилил одновременно многочисленными отрядами в предупреждение неожиданного нападения Помпея... Корнифицию он велел все снаряженное в Равенне перевезти в Тарент». Первые флоты Октавиана, созданные им в Риме и Равенне в 39 г. до н.э., год спустя погибли в военных действиях и от бурь, но неутомимый преемник Цезаря воссоздал флот в 400 боевых судов, и в итоге Помпей, сделавший ставку на оборонительные действия, был разбит; финал борьбы Октавиана с Антонием хорошо известен; отметим только, что решающее поражение первый нанес второму именно на море, при мысе Акциум. Вряд ли это случайность, как можно увидеть из нижеследующей цитаты.

Э. Хаттон пишет, подчеркивая важность войны Октавиана против Секста Помпея в деле развития Равенны как одного из двух важнейших флотских центров будущей Римской империи (пер. с англ. – *Е.С.*): «Именно война с Секстом Помпеем явно показала, каким быть будущему Равенны. Во время этих событий мы уже обнаруживаем Равенну как обустроенный морской порт, видимо, вспомогательный (на том побережье) по отношению к Брундизиуму, как Мизены на Тирренском море по отношению у Путеолам; и там Октавиан строил корабли. Однако лишь когда Октавиан одолел всех своих врагов и сделался императором, учредил и в общем отрегулировал свое великое правление, он избрал Равенну главным портом всей Италии на востоке, так же как Мизены – на западе. В войнах, которые Октавиан вел за то, чтоб овладеть монархией, установленной его великим дядей, он познал две вещи. Он узнал необходимость и ценность власти на море и понял уникальную позицию Равенны в отношениях Востока и Запада. Поскольку он был способен высоко оценить оба этих факта, этого достаточно, чтобы охарактеризовать его как великого человека, которым он и являлся. Юлий Цезарь, несмотря на свое особенное восприятие реальности, не оценил важности, если не необходимости, власти на море, и из-за этого промаха его карьера дважды чуть было не оборвалась: при Илерде, где только морская победа Децима Брута над массилиотами спасла его, и в Александрии. (Ч. Старр, однако же, не согласен с этим тезисом и приводит в своем труде «Флот Римской империи» ряд фактов, что Юлий Цезарь как раз-таки не только «интересовался морем», но и предпринимал определенные военно-морские операции: «Хотя военные походы Цезаря порой претерпевали трудности из-за нехватки флота, сам Цезарь не пренебрегал ни флотом, ни его ролью. С началом борьбы с Помпеем он предпринял срочные меры для защиты Сицилии и Сардинии. Это делалось для пресечения, таким образом, любых планов Помпея использовать свой флот, “чтобы отрезать поставки в Италию и завладеть хлебом провинций”... Во время короткой остановки в Риме в 49 г. до н.э. он приказал строить военные корабли на побережье как Адриатического, так и Тирренского морей»; кроме того, «...вторжения в Британию Юлия Цезаря (в 55 и 54 гг. до н.э.) зависели от его флота, что и подтверждают его “Записки”» (в первом

вторжении в Британию Цезарь использовал 80 грузовых кораблей и неустановленное число военных, во втором – гораздо больше: сам Юлий пишет в «Записках о Галльской войне»: «Как Цезарь узнал впоследствии от пленных... (бритты) утрашены были множеством кораблей: вместе с прошлогодними и теми судами, которые частные лица построили для своей надобности, их показалось на горизонте одновременно более 800»; см. также цитату из Бовини о возможной заботе Юлия о равеннском порте. – *Е.С.*). И республиканцы, и Антоний владели кораблями, но они не использовали их с нужным эффектом. Это Секст Помпей заставил Октавиана обратиться к морю, и, когда Октавиан стал Августом, он не забыл этот урок. Будучи единым владыкой Средиземноморья и всех его военных кораблей, он сразу понял, какую великую поддержку давала власть на море ему и его принципату. Не бывать империи, пусть и сильной, но всегда опасющейся моря и отвернувшейся от него».

Так, Август своим декретом учредил на Средиземном море два флота – в Мизенах и Равенне; о последнем и о Равенне как его базе мы поговорим более подробно в следующей главе, здесь же отметим, что, хоть Э. Хаттон и превозносит величие Августа, сам Октавиан трезво оценивал свои силы и способности, так что верно пишет о нем Е.В. Федорова в работе «Люди императорского Рима»: «Август не обладал талантом полководца, но его подлинный талант заключался в том, что он умел осознать ограниченность своих способностей и старался не браться за дела, которых не разумел. Поэтому он очень заботился о том, чтобы иметь при себе талантливых и преданных помощников; выгодным людям он был непоколебимо верен. Август очень редко возглавлял военные походы, обычно он поручал это другим. В военных делах так же, как и во всех прочих, он старался проявлять большую осмотрительность и рассудительность. “Он никогда не начинал сражение или войну, если не был уверен, что при победе выиграет больше, чем потеряет при поражении. Тех, кто домогается малых выгод ценою больших опасностей, он сравнивал с рыболовом, который удит рыбу на золотой крючок: оторвись крючок – и никакой улов не возместит потери” (Светоний)». Надежным помощникам Октавиана в военно-морских делах (а потом и его зятем) был Марк Випсаний Агриппа (63—12 гг. до н.э.), фактически разгромивший на море Секста Помпея и выигравший судьбоносную для Октавиана морскую битву при Акциуме. И Ч. Старр далеко не безосновательно приписывает ему становление имперского флота: «Совокупный ресурс каждого флота определялся в соответствии с его функциями. Подбирались удобные базы и, где было нужно, дополнительные стоянки. Строились необходимые здания и портовые мастерские. Определялись условия службы, включая призыв, сроки, подготовку, жалованье и дисциплину. Разрабатывались штатно-организационные расписания. Большая часть этой работы была завершена в первые десятилетия принципата Августа, и по крайней мере часть ее можно приписать Агриппе».

Глава 2

Равеннский флот и его база

Гай Корнелий Тацит (ок. 57 – ок. 117 г.), возвращаясь в своих «Анналах» во времена императора Тиберия (42 г. до н.э. – 37 г. н.э., правил с 14 г.), пишет: «Италию на обоих морях охраняли два флота: один со стоянкой в Мизенах, другой – в Равенне, а ближайшее побережье Галлии – снабженные таранами корабли, захваченные в битве при Акции и посланные Августом с должным числом гребцов в Форум Юлия» (после того как данные корабли сгнили, это подразделение не было восстановлено). Гай Светоний Транквилл (ок. 70 – после 120 г.) еще менее многословен: «(Август) один флот поставил у Мизена (так в тексте, такая форма тоже возможна. – *Е.С.*), а другой – у Равенны, для обороны Верхнего и Нижнего морей». Флавий Вегеций Ренат, наставляя в IV в. н.э. своим трактатом «Краткое изложение военного дела» одного из современных ему императоров, более подробен: «Римский народ всегда имел наготове флот ради славы, пользы и величия своего государства, а не вследствие необходимости при каком-нибудь волнении; именно для того чтобы никогда не было такой необходимости, он всегда имел флот в готовности. Ведь никто не решается вызывать на войну или наносить обиду тому царству или народу, который, как он знает, может быстро оказать сопротивление и наказать за эту смелость. Обыкновенно у Мизенского мыса и в Равенне стояло по легиону с флотом, чтобы быть близко на случай защиты города, чтобы, когда того потребуют обстоятельства, без замедления, без объездов они могли двинуться на кораблях во все части света. От флота в Мизенах поблизости находились Галлия, Испания, Мавритания, Африка, Египет, Сардиния и Сицилия. Из Равенны же флот обыкновенно плыл прямо в (оба) Эпира, Македонию, Ахайю, Пропонтиду, Понт, на Восток, к Кипру и Криту, так как в военных делах быстрота обычно приносит больше пользы, чем доблесть. Во главе либурнов, которые стояли в Кампании, находился префект мизенского флота; те же, которые были на стоянке в Ионическом море, имел под своей властью префект равеннского флота. Под их начальством было по десяти трибунов, командовавших отдельными когортами. Но каждая либуерна имела отдельных навархов (капитанов), т.е. как бы хозяев корабля, которые кроме других обязанностей по кораблю должны были ежедневно заботиться о том, чтобы постоянно проводить упражнения с кормчими, гребцами и воинами. Различные провинции в различные времена имели преобладающее значение в морском деле, поэтому и были корабли различного вида. Но когда Август сражался с Антонием при Аксиуме, главным образом благодаря помощи либурнов был побежден Антоний. На опыте этого столь важного сражения обнаружилось, что корабли либурнов более пригодны, чем остальные. Поэтому, взявши их за образец и усвоив их название, по их подобию впоследствии римские владыки создали свой флот». Численность мизенского и равеннского флотов не совсем ясна; историк Г. Кантор полагает: «Исходя из того, что из каждого флота Нерон смог набрать по легиону, предполагают численность каждого из флотов не менее чем в 50 крупных кораблей»; здесь Кантор явно ошибается в отношении равеннского флота, ибо Э. Хаттон и Ч. Старр указывают, что Нерон (37—68 г., правил с 54 г.) набрал легион, первый вспомогательный, только из мизенских моряков, в то время как из равеннских – второй вспомогательный – уже Веспасиан (9—79 г., правил с 69 г.), причем известна точная дата его образования – 7 марта 70 г. Более того, Вителлий (15—69 г., правил в 69 г.) набрал (или планировал набрать) еще один легион из мизенских моряков. Таким образом Старр подсчитал, что численность мизенских моряков составляла минимум 10 000 человек (чтобы хватило на 2 легиона), из расчета по 200 человек на триере выходило (минимум) те же 50 кораблей, что и у Кантора. Парадокс. Примем во внимание наличие списка мизенского флота в 80 кораблей, равеннский флот, следовательно, был приблизительно таким же по численности, недаром о них говорили

как о двух великих флотах (хотя Ч. Старт в этом не уверен, настаивая на меньшей численности по сравнению с мизенским – 5000 против 10 000 при Нероне); странно, словно ему неизвестно свидетельство готского историка VI в. Иордана (со ссылкой на Диона) о 250 равеннских кораблях (правда, без уточнения размеров и классов). А.В. Банников и М.А. Морозов приводят среднюю цифру – 150 кораблей, также без уточнения). Еще отметим существование более мелких имперских флотов (или даже флотилий) – таких как мавританский, александрийский, сирийский, понтийский, мезийский, паннонский, германский, британский...

Структура флота вырисовывается следующим образом. Равеннский флот (как и мизенский, но не прочие), по крайней мере точно в период с 70 по 127 г., относился к «претории», сиречь гвардейским подразделениям преторианцев, учрежденным Августом (как равеннские моряки добились этого звания при Веспасиане, будет рассказано позже). Официально главой всего флота являлся сам император, фактически – особый префект: мизенский стоял по рангу выше равеннского; вообще, начиная с правления Адриана (76—138 гг., правил с 117 г.), перевод из равеннского флота в мизенский обозначал повышение. Префект назначался императором и имел жалование изначально порядка 60 000 сестерциев, а с правления Веспасиана – 200 000 сестерциев, равно как и супрефект. Честер Старт приводит в своем сочинении «Флот Римской империи» следующий список равеннских флотонаачальников, составленный на основе сочинений Тацита и эпиграфических данных: префекты П. Палпеллий Клодий Квиринал, или Квириналий (56 г.); М. Аврелий Регул (54—68 гг.); Л. Эмилий Суллектин (54—68 гг.); Секст Луцилий Басс (69 г.); Корнелий Фуск (69 г.); Секст Луцилий Басс (5 апреля 71 г.); Л. Нумерий Альбан (11 октября 127 г.); М. Кальпурний Сенека, Фабий Турпион Сентинациан (до 15 сентября 134 г.); Тутиканий Капитон (5 сентября 152 г.); Т. Фурий Викторин (ок. 145—155 гг.); П. Коминий Клемент (ок. 175—180 гг.); Л. Юлий Вегилий Грат Юлиан (ок. 183—184 гг.); Гн. Марций Рустий Руфин (ок. 195—202 гг.); М. Аквиллий Феликс (ок. 205 г.); М. Гонгий Несториан (октябрь 213—215 гг.); Й...циан (28 декабря 249 г.). Супрефекты: Т. Абудий Вер (до 71 г.); Т. Аппалий Алфин Младший (ок. 138—161 гг.); Т. Корнасид Сабин (III в.). За редкими исключениями (возможно, даже единственным в лице «сенатора-адмирала» Марция Агриппы в кампанию 214—217 гг.), должности флотских префектов занимали представители сословия всадников – с одной стороны, Август и его преемники опасались ставить сенаторов на столь ответственные посты, очевидно, видя в этом потенциальную угрозу своему единовластию; с другой – по меткому выражению Ч. Старра, сами сенаторы периода империи недолюбливали море и службу на нем (это не касается республиканского времени!). При Августе и Тиберии флотские префекты, как правило, «выходили» из армии, приблизительно по такой цепочке: центурион-примипил – трибун легиона – префект вспомогательного кавалерийского эскадрона – префект флота (хотя в ней бывали и нарушения). При Клавдии их ранг повысился до равного прокураторскому. Началось было проникновение во флотские префекты вольноотпущенников, пресеченное Веспасианом, повысившим и ранг, и оплату флотских префектов. К концу II в. мезенский флотский префект был лишь на один ранг ниже префекта преторианцев, так же, как равеннский – на ранг ниже его самого. По сути, впрочем, должность префекта была скорее административно-хозяйственной: имея очень разветвленный бюрократический аппарат, он заботился о содержании и ремонте кораблей, пополнении флота новобранцами и награждении отслуживших свое ветеранов (и все это при том, что казначейством ведал не он, а особые императорские рабы), исполнял религиозные обязанности, но также имел право отставлять от командования подчиненных и казнить их. Некоторые префекты, законно или не очень, вмешивались в дела города Равенны. Тацит пишет: «Префект гребцов находившегося в Равенне флота Клодий Квиринал, произволом и жестокостью утеснявший Италию, словно последнюю из провинций, и привлеченный за это к суду, ядом предупредил неизбежное осуждение» (56 г.). А в IV веке должность равеннского флотского префекта звучала как «префект флота Равенны с заботами о том же городе». Префект мог присутствовать на судах

в походе, но в случае боя командовал бы, по сути, уже не он, а грек-специалист, о чем сейчас и расскажем (минуя рассказ о супрефекте – так как эта должность, также «всадническая», хоть и документально зафиксирована, но о ней мало чего можно рассказать, и, по предположению Ч. Старра, большого значения она не имела).

Сразу бросается в глаза, что далее, после префекта и супрефекта, терминология младшего командного состава – греческая, что дает основания полагать, что римский флот много заимствовал у греческого, история которого исчислялась уже столетиями: довольно вспомнить Саламин (480 г. до н.э.), блестящие походы Кимона Афинского (ок. 504—450 гг. до н.э.) и остров Родос – «царицу морей» Античности. Да и подавляющее число моряков-греков в экипажах кораблей вряд ли подлежит сомнению (это положение сохранялось потом через много веков, когда покоренные турками греки служили лучшими моряками в османском флоте – вплоть до экспедиций русского флота в Архипелаг (1769—1774, 1806—1807 гг.) и последовавшей за ними Греческой революции (1821—1829 гг.). Помощником префекта выступал первый наварх (условно его можно назвать и.о. адмирала; известен П. Петроний Афродизий, последовательно прошедший в равеннском флоте должности триерарха, наварха и, наконец, первого наварха). Эскадрами (включавшими порядка 10—60 кораблей), а также и более мелкими подразделениями командовали навархи (получали жалование 10 000 денариев, со времени правления Коммода (161—192 гг., правил с 180 г.) – 20 500; во II—III вв. через посты центуриона и старшего центуриона навархи могли выйти во всадническое сословие; перед увольнением со службы получали избирательные права). Известен мелкий равеннский флотоводец III в. Криспин, на кизикском надгробии которого есть следующая надпись: «Командующий морскими дротиками, вдохновенно летящими на шестивесельных крыльях». Кораблями командовали триерархи (несмотря на древнее название, связанное с боевым судном с тремя рядами весел, в римский имперский период оно обозначало командира всякого римского военного корабля, независимо от количества рядов весел (обычно от двух на либурне до 5 на пентере). Гален пишет, к примеру: «Издавна они называли командиров трирем триерархами, но теперь они называют так командиров всякого корабля, даже если корабль не является триремой»). Ч. Старр пишет: «После 200 года до н.э. Рим все более полагался в морском деле на помощь своих греческих союзников и подданных... Техническое мастерство греков стало последовательно и глубоко укореняться в морской практике Рима. Надо заметить также, что командующие флотами в период поздней республики обычно не имели самостоятельности, но были скорее помощниками какого-нибудь полководца и что фактическим адмиралом, как минимум в ряде случаев, был грек». Г. Кантор в целом справедливо отмечает в своей статье «Военное искусство Древнего Рима»: «Римские граждане шли во флот только в командный состав и в морскую пехоту. Экипаж кораблей набирался из вольноотпущенников, приезжих с греческого Востока и т.п. Это способствовало тому, что Рим... сохранил зависимость в морском деле от греков (именно это было не последней причиной тому, что помпеянцы, опиравшиеся на восточные провинции, всегда имели на море серьезное превосходство над партией Цезаря во время гражданских войн)». Итак, для римского имперского флота осталось правилом, что экипаж набирался из свободных людей, в основном, жителей провинций, которые не могли получить римское гражданство, иначе как после 26-летней службы, и вольноотпущенников. Рабы, по закону, безусловно не допускались к защите римского отечества (единственное, пожалуй, исключение последовало после каннского разгрома). Когда была нужда в людях, тот же Август прекрасно обошел этот закон, подобрав для флотской службы большое количество обращенных в рабов пленных, однако – факт! – перед этим всех освободил. Впрочем, нельзя не отметить, что среди прочих вооруженных сил Римской империи флот занимал низшее положение. Известно, что Клавдий (10 г. до н.э. – 54 г. н.э., правил с 41 г.) использовал равеннских моряков для осушения Фуцинского озера. Вообще принижение моряков вполне предсказуемо вылилось чуть позже в их активное вмешательство в смуту, последовавшую за смертью Нерона (флот

всегда был в отношении восстаний на передовых позициях, начиная с самого первого зафиксированного в истории восстания воинского подразделения – кипрского флота на Родосе и в малоазийском Кавне (395 г. до н.э.), и заканчивая событиями всех трех русских революций 1905—1907 и 1917 гг. Даже при Коммодe перевод заслуженного легионера во флот был равносителен наказанию. Что касается национального состава именно равеннского флота, Ч. Старр обработал практически весь известный эпиграфический материал, чтобы составить таблицу по интересующему нас вопросу. Разумеется – и это признает и сам исследователь, – результат получается довольно умозрительный и вряд ли годный для точного определения пропорций, ведь в наличии за период с 71 по 211 гг. имеется всего 79 надписей, но, тем не менее, из нижеприведенного списка очевидно одно – явное преобладание иллирийцев (из Далмации). Итак, за период с 30 г. до н.э. до 71 г. н.э. известен всего один моряк равеннского флота, и это – житель Далмации. Согласно данным по 71—211 гг., в равенском флоте служили 24 уроженца Далмации, 8 – Паннонии, 7 – Фракии, 1 – Дакии, 3 – Вифинии, 1 – Киликии, 5 греков, 5 уроженцев Сирии, 5 – Египта, 3 александрийца (они, как правило, подчеркивали свой статус, чтоб отличаться от прочих египтян, отношение к которым было не из лучших), 1 из области Крита и Киренаики. Данные после 211 г. вновь очень скудны, повествуя только об одном паннонце, одном сирийце, одном ливийце, одном сардинце и двух уроженцах Италии – равенских моряках (верхняя временная граница не обозначена, и это красноречиво – Д. Маускопф-Дельяннис пишет, что по крайней мере в Равенне с середины III в. н.э. на надгробиях перестают упоминаться моряки вообще! Позже мы вернемся к этому вопросу более детально). Таблица, составленная А.В. Банниковым и М.А. Морозовым на основании работы А. Юнеманна 1894 г., практически дает ту же картину: первая цифра обозначает количество моряков, вторая – процентное соотношение: паннонцы – 7 (10,9); далматы – 25 (39) (итого по Иллирику – 45 %); сарды – 2 (3); корсы – 2 (3) (итого островитян – 6 %); германцы – 3 (4,5); бессы – 6 (9); греки – 3 (4,5); вифинцы – 3 (4,5); киликийцы – 1 (1,5); сирийцы – 6 (9) (итого азиатов (вифинцев, киликийцев и сирийцев) – 15 %); египтяне – 4 (6); ливийцы – 2 (3); итого данные по 64 морякам. Служба на флоте могла начаться для новобранца в 15-летнем возрасте; потом шли 26 лет для выслуги римского гражданства и увольнение (правда, этот срок индивидуально мог быть сокращен – по инвалидности, за отличие и при переводе в легионеры; в случае «позорной отставки» ни о каком римском гражданстве и мечтать, разумеется, не приходилось, но на рубеже II и III веков императоры «набавили» еще 2 года), хотя встречались и «сверхсрочники». Данные по возрасту и количеству известных призывников в равеннский флот выглядят следующим образом: 17 лет – 2 человека, 18 – 6, 19 – 4, 20 – 15, 21 – 6, 22 – 2, 23 – 6, 24 – 2, 25 – 5. При поступлении во флот рекрут получал 75 денариев (как своего рода премию), годовое жалование в период от Домициана (51—96 гг., правил с 81 г.) до Коммода составляло 100 денариев. Период службы до назначения триерархом обычно составлял лет 10. Помимо собственно флотской службы, равенским морякам приходилось участвовать в курьерской императорской службе и различных гидротехнических проектах (таких как дренажные работы, проводка каналов, возведение акведуков и т.п.). Есть сведения об участии моряков в почетных караулах (видимо, когда император пользовался для своих передвижений тем или иным флотом). Порой моряков заставляли мостить дороги (факт из II в., конкретно равенских моряков было привлечено 800, более привилегированных мизенцев – 500). Зачастую их использовали в полицейской службе в портах и гаванях, а то и при подавлении бунтов варваров или рабов. Ч. Старр сообщает: «Надпись из Умбрии... упоминает двадцать моряков, направленных из равеннского флота под командованием *evocatus* (ветерана-сверхсрочника) Шестой преторианской когорты ловить разбойника на Фламиниевой дороге в 246 году». Кроме того, строительство военно-морских баз и портов по империи осуществлялось вообще не рабами, но также моряками: они работали и в каменоломнях, и делали кирпичи (большое количество таких «флотских» кирпичей, клейменных соответствующим морским подразделением, най-

дено при раскопках подобных объектов на территории Германии, Галлии и Британии). В зимнее время, когда флот бездействовал, вероятно, моряки пробавлялись «отхожими промыслами»; кое-кто приторговывал пленными; зачастую сами моряки имели достаточно средств на покупку 1—3 рабов, хотя чаще всего они покупали себе наложниц, имевших перспективу освободиться и стать женой моряка – вот, к примеру, равеннский моряк Т. Меммий Монтан купил себе за 625 денариев у милетского работорговца «взрослую африканскую рабыню». При этом «право на заключение (полноправного) брака» выдавалось только верно отслужившим свои 26 лет и получившим из Рима «диплом» на римское гражданство в виде отлитого на бронзовой таблице текста: как правило, эта привилегия просто узаконивала существовавшее доселе сожительство и заодно распространяла право римского гражданства на детей моряка – но не на его жену (ок. 166 г.). Судя по могильным камням (излюбленным изображением на них был дельфин, известный по античным преданиям спаситель моряков) с высеченными на них завещаниями, многие моряки имели солидные накопления, а то и земли. Молились равеннские моряки в роскошном храме бога морей Нептуна (о его печальной участи будет рассказано в главе, посвященной античному архитектурному наследию Равенны); кроме того, грозное имя морского владыки носили равеннские трирема и квадрирема.

«Обилие» же иллирийцев в составе равеннского флота объясняется довольно просто: Иллирия располагалась практически напротив Равенны, по другую сторону Адриатического моря, и моряки они были известные. Еще Полибий (ок. 200 – ок. 120 гг. до н.э.) рассказывает о грандиозном морском разбое иллирийцев, поддержанном практически на государственном уровне: в 231 г. до н.э. умер объединитель Иллирии царь Аргон. «Царство унаследовала жена его Тевта, которая управляла государственными делами при помощи верных друзей. Тевта, как и свойственно женщине, мечтала только об одержанной победе, не помышляя о прочем, и потому прежде всего разрешила подданным грабить на море по своему усмотрению всякого встречного; потом она снарядила флот, собрала войско не меньше прежнего и, отправляя его в поход, дозволила начальникам поступать с каждой страной, как с неприятельской... (далее идет обширное описание разбоев, чинимых иллирийскими пиратами грекам – элейцам, мессинянам, эфирцам; дошла очередь и до римлян. – *Е.С.*). Иллириане и раньше постоянно нападали на торговых людей Италии, а во время пребывания в Фенике большая часть иллириан отделилась от флота и не замедлила ограбить множество италийских торговцев, причем одни из ограбленных были убиты, немало других увезены в плен... Тевта восхищена была обилием и прелестью добычи, доставленной на возвратившихся из Эпира лодках». Потом римляне, конечно, проучили дерзкую, осмелившуюся даже казнить их посла, но не в этом суть. Легкие и быстроходные корабли иллирийцев – либурны – так понравились римлянам, что фактически стали их излюбленными военными судами. Возможно, не сразу – Флавий Вегетий Ренат, по крайней мере, писал в IV в. (начало цитаты частично приведено ранее): «Во главе либурнов, которые стояли в Кампании, находился префект мизенского флота; те же, которые были на стоянке в Ионическом море, имел под своей властью префект равеннского флота... Различные провинции в различные времена имели преобладающее значение в морском деле; поэтому и были корабли различного вида. Но когда Август сражался с Антонием при Акциуме, главным образом благодаря помощи либурнов был побежден Антоний. На опыте этого столь важного сражения обнаружилось, что корабли либурнов более пригодны, чем остальные. Поэтому, взявши их за образец и усвоив их название, по их подобию впоследствии римские владыки создали свой флот. Либурния является частью Далмации с главным городом Ядертиной; взяв пример с кораблей этой области, теперь и строят военные суда и называют их либурнами». Есть смысл продолжить цитату, если читатель заинтересован в том, как тогда строились корабли: «Если при постройке дома обращается внимание на качества камня и смеси из извести и песку, то тем более нужно быть внимательным во всех отношениях при постройке кораблей, так как гораздо больше опасности на плохо построенном корабле, чем в доме. Либурны

делаются главным образом из кипариса, из домашней и дикой сосны и из ели; лучше соединять их медными, чем железными гвоздями. Хотя расход при этом будет несколько значительнее, но так как это прочнее, то это выгодно; ведь железные гвозди быстро разъедает ржавчина, от тепла и влаги, медные же и в воде сохраняют свою основную металлическую основу. Особенно нужно обращать внимание на то, чтобы деревья, из которых должны быть выстроены либурины, были срублены между 15-м и 22-м числом месяца. Только дерево, срубленное за эти 8 дней, остается не тронутым гниением и трухлявостью, срубленное же в другие дни дерево еще в том же году, источенное изнутри червями, обращается в пыль; это показали и само искусство кораблестроения и ежедневная практика строителей; это мы познаем из наблюдений над самой религией, так как только в эти дни угодно было навсегда установить праздники. Самое полезное рубить деревья после летнего солнцеворота, т.е. в месяцы июль и август, и во время осеннего равноденствия, (т.е.) до январских календ (1 января), ибо в эти месяцы засыхают соки, и потому дерево становится более сухим и крепким. Вот чего нужно остерегаться: не распиливать ствол на доски тотчас же, после того как дерево будет срублено, а как только оно будет распилено, не посылать досок на постройку корабля, так как и толстые стволы и уже распиленные доски требуют для большей сухости большого времени. Ведь если пускаются в работу сырые материалы, то, когда выходит природный их сок, они ссыхаются и дают очень широкие щели; нет ничего опаснее для плавающих [чем когда в досках начинают появляться трещины]. Что касается величины кораблей, то самые маленькие либурины имеют по одному ряду весел; те, которые немного больше, – по два; при подходящей величине кораблей они могут получить по три, по четыре и по пять рядов весел. И пусть это никому не кажется огромным, так как в битве при Акциуме, как передают, столкнулись между собой гораздо большие корабли, так что они имели по шесть и больше рядов весел. К более крупным либуринам присоединяются разведочные скафы, которые имеют на каждой стороне почти по двадцать рядов гребцов; их британцы называют просмоленными. С помощью этих кораблей производят внезапные нападения, иногда нарушают свободное плавание и подвоз провианта для неприятельских кораблей и путем выслеживания перехватывают их прибытие и их планы. Чтобы эти разведочные суда не выдавали себя белым цветом, их паруса и канаты окрашиваются в венецкую краску, которая похожа на цвет морских волн; даже воск, которым обычно обмазывается корабль, окрашивается в ту же краску. Моряки и воины надевают одежду венецкого цвета, чтобы не только ночью, но и днем они, занятые выслеживанием, могли бы остаться незамеченными». Тот же автор рассказывает о применяемом римскими моряками вооружении и тактике: «Морское сражение требует не только многих видов оружия, но и машин и метательных орудий, как будто бы бой шел у стен и башен. Действительно, что может быть более жестоким, чем морское сражение, где люди гибнут и в воде, и в огне. Поэтому должна быть проявлена особая забота о том, чтобы моряк был хорошо защищен, чтобы воины были в бронях или панцирях, со шлемами, а также в поножах. На тяжесть оружия никто не может жаловаться, так как во время сражения на кораблях стоят на месте; также и щитами пользуются более крепкими вследствие необходимости защищаться от ударов камнями и более крупными. Кроме серпов, крючьев и других видов морского оружия они направляют друг против друга копья и метательные снаряды в виде стрел, дротиков, камней из пращей и фустибулов, свинцовые шары, камни из онагров, баллист, маленькие стрелы из скорпионов. Еще более опасным является сражение, если воины, мечтая о доблестных подвигах, подплывут на своих либуринах к неприятельскому кораблю и, перекинув мост, переходят на него и там вступают в рукопашный бой с мечами в руках, как говорится, грудь с грудью. На более крупных либуринах устраиваются бойницы и башни, чтобы им можно было с более высоких палуб, как будто со стен, легче наносить раны и убивать врагов. Горящие стрелы, пропитанные зажигательным маслом (нефтью), обмотанные паклей с серой и асфальтом, они мечут баллистами, вонзают их в корпус неприятельских кораблей и сразу поджигают доски, пропитанные столь большим количеством легковоспламеняющегося мате-

риала, как воск, смола, вар. Одни погибают от меча и камней, другие среди волн должны сгореть в огне; однако среди столь многих родов смерти есть один самый ужасный случай, когда трупы убитых, не получившие погребения, поедаются рыбами. Наподобие сухопутных сражений, бывают и здесь внезапные нападения на малоопытных моряков, или устраиваются засады поблизости от удобных для этой цели узких проходов у островов. Это делается для того, чтобы тем легче погубить неподготовленных. Если матросы врагов утомлены долгой греблей, если на них дует противный ветер, если волны идут против хода их корабля, если враги спят, ничего не подозревая, если стоянка, которую они занимают, не имеет (другого) выхода, если представляется желанный случай для сражения, то к благодеяниям судьбы надо присоединить силу рук и, воспользовавшись удобным обстоятельством, начать сражение. Если осторожность врагов дала им возможность избежать засады и заставляет вступить в бой в открытом море, тогда нужно выстроить боевые линии либурн, не прямые, как на полях битвы, но изогнутые, наподобие рогов луны, так, чтобы фланги выдавались вперед, а центр представлял углубление, как бы залив. Если бы враги попытались прорвать строй, то в силу этого построения они были бы окружены и разбиты. На флангах поэтому должны быть помещены главным образом отборные корабли и воины, составляющие цвет и силу войска. Кроме того, полезно, чтобы твой флот всегда стоял со стороны свободного глубокого моря, а флот неприятельский был прижат к берегу, так как те, которые оттеснены к берегу, теряют возможность стремительного нападения. В подобного рода сражении, как доказано, три вида оружия особенно полезны для одержания победы: это ассеры (стенобитные балки), шести с серпами и секиры. Ассером называется тонкая и длинная балка, наподобие реи, висящая на канате; оба края ее обиты железом. Подойдут ли к неприятельскому кораблю справа или слева, эту балку с силой приводят в движение, как таран, и она уверенно валит с ног неприятельских воинов и матросов и очень часто пробивает самый корабль. Серпом называется очень острое железо, изогнутое наподобие серпа; оно насаживается на очень длинные шести и внезапно подрезает канаты, на которых висят реи; когда паруса упадут, то либуерна становится неповоротливой и бесполезной. Секирой называется топор, имеющий с обеих сторон очень широкие и острые лезвия. При их помощи в пылу сражения очень опытные моряки или воины на маленьких челноках тайно перерубают канаты, которыми привязаны рули неприятельских судов. В этом случае корабль сейчас же становится как бы невооруженным и потерявшим всякую свою силу, ведь какого же еще спасения ждать кораблю, который потерял руль? О крейсерах (*Iusogiae*), которые теперь на Дунае несут ежедневную сторожевую службу в качестве пикетов, думаю, говорить нечего, так как очень частое практическое их применение сделало в этом искусстве больше открытий и усовершенствований, чем могла нам показать старинная наука».

Впрочем, есть еще и такая информация касательно появления кораблей-либурн в римском флоте; насколько она отличается от вышеприведенной, не суть важно, все дело в том, принимать тождество народа либурнов с иллирийцами или же нет: итак, либуэрны – обитатели восточного побережья Адриатики, вероятно, что и исконные жители Керкиры (Корфу), родственники иллирийцев и венетов, отважные моряки и пираты. Секст Юлий Фронтин (ок. 30—103 г.) в своем трактате о военных хитростях «Стратегемы» описывает такую их проделку: «Либурны, занимая мелководье, выставили из воды только головы, внушив таким образом неприятелю представление, что там – глубокое место; преследовавшая их трирема села на мель и была захвачена»; изобретение типа легкого боевого корабля под названием «либуэрна» и приписывалось этому народу. Царь Македонии Филипп V (238—179 г. до н.э., правил с 221 г. до н.э.) включил военный отряд кораблей племени либурнов в свою эскадру в битве при острове Хиос в 201 г. до н.э. Но довольно об этом.

Обустройство «нового» равеннского флота в новой же равеннской гавани принято датировать промежутком порядка 20 лет: 30—20-ми гг. до н.э. С одной стороны, выше уже сказано, что «первый» равеннский флот, истребленный Секстом Помпеем и бурями, был создан Окта-

вианом еще в 39 г. до н.э. Возможно, уже тогда он приказал прорыть знаменитый равеннский «ров Августа» (*fossa Augusta*), чтобы провести через Равенну воды реки Пад (совр. По). Канал разделялся перед самим городом на два рукава – один шел вокруг города, еще более усложняя подступ к нему, второй – прямо среди города. Этот канал далее шел к новой гавани Равенны (в двух милях от города), получившей название Классис (совр. Классе). Между собственно Равенной и Классисом располагался пригород под названием Цезарея. Лучшее описание этой триединой римской твердыни дает готский историк VI в. Иордан, служивший нотарием в Равенне при готской власти и затем сменивший светскую карьеру на духовную (несмотря на то что его свидетельство почти на полтысячелетия отстает от нужного нам времени, оно важно указанием на относительную ширину рва Августа и численность равеннского флота в былое время): «Этот город открыт всего только одному подступу, находясь между болотами, морем и течением реки Пад; некогда землевладельцы [в окрестностях] города, как передают старшие писатели, назывались *αἰνετοί*, что значит “хвалы достойные”. Равенна лежит в лоне Римского государства над Ионийским морем и наподобие острова заключена в разливе текущих вод. На восток от нее – море; если плыть по нему прямым путем из Керкиры и Эллады, то по правую сторону будут сначала Эпиры, затем Далмация, Либурния и Истрия, и так весло донесет, касаясь [все время берега], до Венетий. На запад [от Равенны] лежат болота, на которых, как ворота, остается единственный крайне узкий вход. С северной стороны находится тот рукав реки Пад, который именуется Рвом Аскона. С юга же – сам Пад, величаемый царем рек италийской земли, по прозванию Эридан; он был отведен императором Августом посредством широчайшего рва, так что седьмая часть потока проходила через середину города, образуя у своего устья удобнейший порт, способный, как некогда полагали, принять для безопаснейшей стоянки флот из двухсот пятидесяти кораблей, по сообщению Диона. Теперь же, как говорит Фавий, то, что когда-то было портом, представляется обширнейшим садом, полным деревьев, на которых, правда, висят не паруса, а плоды. Город этот славится тремя именами и наслаждается трояким расположением, а именно: первое из имен – Равенна, последнее – Классис, среднее – Цезарея, между городом и морем; эта часть изобилует мягким [грунтом] и мелким песком, пригодным для конских ристаний».

Отметим, что, к прискорбию, время практически целиком стерло с лица земли и Цезарею, и Классис (в последнем осталась только ранневизантийская базилика Св. Аполлинария), лишь раскопки выявляют немногочисленные фундаменты античных построек, однако видеть гавань Августа с кораблями, а также высокие стены Цезареи мы можем до сих пор – на мозаике равеннской церкви Св. Аполлинария Нового. Известно, что на входе в порт стояли два маяка, также имелись верфи, доки, арсеналы, склады, бараки и т.д. Гавань отделял от моря канал длиной 80 м, внутри были два маленьких островка. Сохранились следы молотков из цемента, стен вдоль береговой линии из того же материала, длиной в 40 м и шириной в 4—4,5 м, для предотвращения эрозии. От первых построек времен Августа остались дубовые сваи, от сооружений немного более позднего времени – большое количество битой керамики, которой усиливали деревянные конструкции, от II века – кирпичи.

Старший современник Августа, римский инженер Витрувий (I в. до н.э.), оставил в своем бесподобном сочинении «10 книг об архитектуре» руководство по строительству порта: «Вопроса об удобном расположении гаваней нельзя обойти, но надо разъяснить, каким способом корабли защищаются в них от бурь. Если гавани хорошо расположены от природы и у них есть выдающиеся возвышения или мысы, образующие естественные идущие внутрь излучины или завороты, то ясно, что они обладают огромными преимуществами. Ибо кругом них возводят портики, или верфи, или проходы по портикам к рынку и по обеим сторонам ставят башни, с которых можно при помощи машин протянуть цепи поперек гавани. Если же у нас не будет естественного и удобного места для защиты кораблей от бурь, то следует поступать так: если в данном месте нет никакой мешающей делу реки, но с одной стороны будет пристань,

тогда с другой стороны устраивают выступы из каменной кладки или плотин; таким образом получается замыкание гавани. Кладку же, которая будет в воде, следует делать так: надо подвезти поццоллану из области, тянущейся от Кум до мыса Минервы, и смешать так, чтобы в растворе было две ее части на одну часть извести. Затем в заранее выбранном месте опускают в воду и прочно закрепляют ряжи из дубовых свай со шпунтовыми стенками; после этого дно внутри этих ряжей выравнивают и очищают и наваливают туда бутовый камень с раствором, замешанным так, как было указано выше; наконец, все пространство внутри ряжей заполняют каменной кладкой. Природная же поццоллана имеется в местностях, указанных выше. Если же из-за волнения или прибое открытого моря сваи не смогут сдержать ряжей, тогда от самой земли или береговой насыпи выкладывают как можно более прочный мол; причем меньшую половину мола выкладывают горизонтальной, остальную же его часть, примыкающую к берегу, делают с уклоном. Затем, у самой воды и по бокам мола выкладывают стенки, толщиной фута в полтора, вровень с вышеупомянутой поверхностью, после чего этот скат заполняют песком до уровня стенки и поверхности мола. Затем сверху этой выровненной площадки выкладывают требуемой величины столб, который, после того как он выложен, оставляют не меньше чем на два месяца сохнуть. Тогда стенку, сдерживающую песок, разбивают, а песок, подмытый волнами, дает столбу обрушиться в море. Таким способом можно продвигаться в море настолько, насколько это будет нужно. В тех же местностях, где не имеется поццолланы, надо поступать, следующим образом: в намеченном месте устанавливают двойные перемычки, заделанные досками, сплоченными в шпунт, и промежутки между перемычками набивают глиной в плетенках из болотного камыша. Когда эта набивка будет сделана как можно более плотно, тогда место, окруженное такою оградой, опоражнивают и осушают установленными там водоподъемными улитками, колесами и барабанами, и там, внутри перемычек, выкапывают дно для фундамента. Если дно будет земляным, то его выкапывают до самого материка, шире стены, которая должна будет стоять на нем, и затем наполняют бутовой кладкой на извести и песке. Если же грунт будет мягким, в него вбивают обожженные ольховые или масляные сваи и наполняют его углем, как было указано для фундаментов театра и городской стены. Затем уже возводят стену из тесаного камня с как можно более длинными перевязками, чтобы камни, лежащие в середине, крепко-накрепко сдерживались швами. После этого нутро стены наполняют раствором со щебнем или же каменной кладкой. На таком основании можно строить даже башни. По окончании этого, при постройке верфей, надо принять за правило строить их по преимуществу обращенными на север, ибо на южной стороне заводятся гниль, черви-древоточцы и всякого рода другие вредные твари из-за жары, способствующей их питанию и размножению. В этих зданиях надо как можно больше избегать применения дерева из-за пожарной опасности. Что же касается их величины, то тут нельзя устанавливать никакого определенного размера, но надо их делать соответственно самым большим судам, чтобы, если понадобится ввести даже очень крупные корабли, они могли бы там просторно поместиться».

В конце своего сочинения Витрувий более подробно описывает водовзводные механизмы, упоминаемые выше (возьмем из обилия его информации по водяным механизмам и автоматам только нужное по теме): «Теперь я изложу, каким образом устраивают разного рода орудия, изобретенные для подъема воды. И первым делом скажу о барабане. Он подымает воду не высоко, но легко вычерпывает большое ее количество. На токарном станке или по циркулю изготовляют ось, окованную по концам железом; ее вставляют в середину сколоченного из досок барабана и укрепляют на стойках, обитых железом под концами оси. Вовнутрь этого барабана вставляют восемь поперечных досок, примыкающих к оси и к окружности барабана и разделяющих барабан на равные отделения. Наружную его часть обшивают досками, оставляя полуфутовые отверстия для поступления воды внутрь. Также около оси делаются отверстия с одной стороны каждого отделения. Когда этот прибор просмолен, как корабль, его вращают ногами людей, как топчак, и он, черпая воду через наружные отверстия бара-

бана, выпускает ее через отверстия вокруг оси в подставленное деревянное корыто, соединенное с желобом. Так доставляется много воды для орошения садов и для надобностей соляных заводов. Если же воду надо поднимать выше, это устройство видоизменяется так. Кругом оси делают колесо требуемой высоты. По всему наружному ободу колеса прибивают прямоугольные черпаки, залитые смолой с воском. Таким образом, когда колесо вращается топчаком, полные черпалки, поднимаясь кверху и возвращаясь вниз, сами выливают в водоем поднятую воду. Если же надо доставлять воду в еще более высокие места, на ось такого же колеса наворачивают двойную железную цепь и спускают ее ниже поверхности воды, обвесив медными ведерками вместимостью в один конгий. Таким образом, вращение колеса, наворачивая цепь на ось, выносит кверху ведерки, которые, став над осью, непременно опрокидываются и выливают в водоем поднятую ими воду. Также и на реках ставят колеса того же устройства, какое было описано выше. К их ободам прибивают лопасти, которые, будучи толкаемы течением реки, приводят своим движением колесо во вращение и таким образом, забирая воду черпаками и поднимая ее кверху, доставляют нужное количество воды без помощи топчака, вращаясь от самого напора реки. Таким же способом вертятся водяные мельницы... Существует также приспособление-улитка, вычерпывающее множество воды, но не поднимающее ее так высоко, как колесо. Устройство его таково. Берут бревно, имеющее в толщину столько же дюймов, сколько в длину футов. Его обтесывают по циркулю. Концы его по окружности делят циркулем на восемь частей квадрантами и октантами, и эти линии располагают так, чтобы при лежачем положении бревна линии на обоих концах в точности соответствовали друг другу, и так, чтобы по всей длине бревно разделялось на отрезки, равные восьмой части окружности. Затем, положив бревно на землю, проводят совершенно прямые линии от одного конца к другому. Так бревно и вдоль и по окружности разделится на равные отрезки, и в тех местах, где пройдут продольные линии, поперечные круги образуют пересечения, а в пересечениях – определенные точки. После того как эти линии правильно проведены, берут тонкую дранку от ивы или витекса и, вымазав ее жидкой смолой, прибивают к первой точке пересечения. Затем ее протягивают наискось к следующим пересечениям продольных и круговых линий и, по мере того как она продвигается, проходя по порядку от точки до точки и обвиваясь вокруг бревна, ее прикрепляют к каждому пересечению; и так, отступая от первой к восьмой точке, она приходит и прибивается к той линии, к которой было прибито ее начало. Таким образом, насколько она проходит наискось и через восемь точек, настолько же она продвигается в длину к восьмой точке. Так же и дальше, по всей длине и окружности, дранки, прибитые наискось по пересечениям, образуют каналы, завороты которых проходят через восемь делений толщины и точно воспроизводят естественный вид улитки. Затем по этому следу набивают одну на другую дранки, намазанные жидкой смолой, и выкладывают до тех пор, пока они не достигнут толщины, равной восьмой части длины. Их окружают и обивают досками для защиты этой спирали. Доски пропитывают смолой и связывают железными ободами, чтобы им не разойтись от напора воды. Концы бревна железные. Направо же и налево от улитки укрепляют брусья, на концах которых с обеих сторон имеются прибитые поперечины; в эти поперечины вставлены железные втулки, в которые втыкают стержни, и таким образом улитки вращаются посредствомдвигаемого людьми топчака. Наклон этой улитки должен быть сделан под таким углом, под каким вычерчивается Пифагоров прямоугольный треугольник, то есть в следующих соотношениях: длина улитки делится на пять частей, и на три из них возвышается ее голова; таким образом, расстояние от основания перпендикуляра до сопла внизу будет равно четверем таким частям... Орудия для подъема воды, делающиеся из дерева, способы их устройства и каким образом они приводятся в движение, принося своим вращением бесконечную пользу, я, насколько мог яснее, описал для ближайшего с ними ознакомления». То, что все «прелести» труда по обустройству порта падали на плечи самих моряков, было отмечено ранее.

Относительно серьезным недостатком Равенны как блистательного порта Августа являлся дефицит питьевой воды. Как не вспомнить еще одну эпиграмму Марциала: «Не виноградником мне, водоемом владеть бы в Равенне: // Больше нажиться я там мог бы продажей воды»; впоследствии эту проблему решит Траян (53—117 гг., правил с 98 г.). Достоинствами были связь со столицей через дороги Фламиния и Эмилия и, вместе с тем, возможность ее защитить; прямая угроза иллирийским пиратам; возможность действий на реке Пад; неприступность с суши; наличие листовенных лесов для постройки кораблей. Более мелкие подразделения равеннского флота базировались в Салоне, Брундизии, Лориуме, на Фуцинском озере; возможно, в Аквилее; с меньшей вероятностью – в Анконе; собственная стоянка была у равеннского флота в столице – впрочем, как и у мизенского. Также одной из целей учреждения равеннского флота являлась переброска (по необходимости) «живой военной силы»: трирема принимала порядка 80 «морпехов», квинкверема (пентера) – 120; для перевозки легиона, принимая его численность в 5000 человек, требовалось где-то 60 кораблей.

В целом нельзя не отметить, что, по сути, флоты римской империи «отметились» в истории не громкими победами – их просто не было, но являлись, по известному английскому выражению – *fleet in being*, т.е. «флот был» – и самим своим существованием выполнял стабилизирующую роль, поддерживая знаменитый «римский мир» – *Pax Romana*. Кризис, наступивший в середине III в., развалил и флот; и когда римские воды начали бороздить хищные суда готов (их армаду античные писатели, конечно, с преувеличением, оценили от 2 до 6 тысяч!) и иных варваров, ответить на это было еще, конечно, чем, но все равно – вклад флотов (в том числе равеннского) в разгром готов Клавдием II (ок. 214—270 гг., правил с 268 г.) довольно спорный (сведения скудны, Ч. Старр вообще чрезвычайно скептичен в этом отношении, этот вопрос детальнее будет рассмотрен в следующей главе). Каждый город или регион выходил из положения, как мог, вплоть до создания «самостийных» флотилий. В конце III в. «великие флоты» были исключены из «претория», а в V в. ни мизенского, ни равеннского флотов даже уже не было в реестре боевых соединений. Что удивительного, если к тому времени в Классисе на месте заиленной гавани росли деревья! Император Восточной Римской империи Феодосий II (401—450 гг., правил с 408 г.) в 419 г. «разразился» законом, карающим смертью каждого, кто обучит варваров морскому делу, – а уже 10 лет спустя вандалы беспрепятственно бороздили имперские воды. Но это мы зашли чуть вперед, чтоб логически завершить рассказ об истории равеннского флота; на самом деле, с упадком и фактическим исчезновением флота (но, разумеется, отнюдь не благодаря этому) Равенна вошла в новый, причем, видимо, славнейший для себя период – став столицей Западной Римской империи. Следовательно, задачей следующей главы и является посильное описание истории города и действий его флота в период от Августа до Гонория (384—423 гг., правил с 395 г.) – первого западоримского императора, давшего Равенне столичный статус.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.